

Р. Л. ХАРАДЗЕ

ПРОБЛЕМА ГРУЗИНСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Существование грузинской семейной общины неоднократно отмечалось в этнографической литературе XIX в. как местными учеными, так и посетившими Грузию иностранными исследователями. Побывавший в 40-х годах в Закавказье А. Гакстгаузен в своем исследовании писал: «Обыкновенно грузины живут несколько поколений в больших семействах в одном дворе»¹. Грузинский историк Пл. Иоселиани в своем «Описании города Душета» (1862), характеризуя общественное устройство жителей Арагвской области, останавливается на многочисленности семейной общины и отмечает следующее: «В древние времена семейства неохотно и не скоро делились. Этот обычай нераздельности домов, особенно в горных местах, был ручительством силы, могущества и богатства домашнего очага. Он и теперь соблюдается. Были дома, в которых семейство заключалось в 40 и 50 душах. Таких семейств и теперь очень много»².

Сведения о семейных общинах у сванов в литературе появились еще раньше. В 1846 г. в газете «Кавказ» была напечатана коллективная статья: Шаховского, путешествовавшего по Сванетии в 1834 г., Немировича-Данченко, побывавшего там в 1839 г., и кутаисского священника Кутателадзе, посетившего Сванетию в 1840-х годах. В этой статье сказано: «Многие побуждения, которые объясним ниже, заставляют сванетов жить вместе, огромными фамилиями, нераздельно и даже в одном доме»³. Д. В. Добровольский, путешествовавший по Сванетии в 1863 г., отмечал: «В доме или дыме обыкновенно 12, 15 и 25 душ, выделы между братьями очень редки»⁴. А. И. Стоянов в своем «Путешествии по Сванетии», напечатанном в 1876 г., указывая на нераздельность сванской семьи, упоминает о семейных общинах, созданных путем искусственного объединения: «Сванетская семья живет вместе, в одном доме. Иногда две семьи соединяются в одну и дают взаимную присягу. Имущество становится общим. Такое соединение называется лишхвал»⁵.

Однако все эти авторы ограничивались лишь беглым указанием на существование большой семьи, без каких-либо попыток дать ее описание.

Как видно из имеющихся в литературе указаний, грузинская семейная община в свое время стала предметом исследования и В. Богишича, который, как известно, один из первых открыл богатые, относящиеся к семейной общине материалы⁶. Ознакомлению с малодоступными для

¹ А. Гакстгаузен, Закавказский край, ч. I, гл. III, СПб., 1857, стр. 68.

² Пл. Иоселиани, Описание города Душета, «Зап. Кавк. отд. РГО», кн. 5, 1862, стр. 63.

³ «Сванетия», «Кавказ», 1846, № 43.

⁴ Д. В. Добровольский, Поездка в Сванетию, «Зап. Кавк. об-ва сельск. хоз.», 1863, № 5—6.

⁵ А. И. Стоянов, Путешествие по Сванетии, «Зап. Кавк. отд. РГО», кн. 10, 1876, стр. 433—437.

⁶ V. Bogišić. Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznih slovena, Zagreb, 1874.

широкого круга специалистов, написанными на хорватском языке трудами В. Богишича способствовала изданная на французском и переведенная на русский работа Ф. Демелича⁷. Именно в этом труде упоминается о предпринятых В. Богишичем во второй половине XIX в. поездках на Кавказ, которые, по словам Демелича, ввели ученого в новый мир исследований. Ф. Демелич пишет: «В 1872 году г. Богишич предпринял обширное путешествие по различным странам Кавказа, которые ему доставили весьма любопытные данные и обширные примечания для его книги. Он объехал Абхазию, Самурзакань, Грузию и Сванетию. Главная его цель состояла в том, чтобы ставить в параллель обычаи этих стран с обычаями славянскими, ибо посредством такого приема он надеялся найти ключ к некоторым загадкам обычного права своего народа. Программа служила ему основанием для этого долгого и терпеливого изучения... Он вошел как бы в новый мир. Его уму представлялись новые многочисленные вопросы. Прежняя программа не удовлетворяла его более. Он должен был ее расширить. На основании этой новой программы г. Богишич успел собрать значительное количество обычаев, которые составят предмет другого сочинения»⁸. Судьба этого сочинения нам пока неизвестна; да и сами эти материалы Богишича еще не обнаружены.

В этнографической литературе XIX в., посвященной грузинской семейной общине, особое место занимают работы М. М. Ковалевского. Ф. Энгельс писал: «На Кавказе Ковалевский сам мог доказать ее (большой семьи.— Р. Х.) существование»⁹. Благодаря М. Ковалевскому, сведения о грузинской семейной общине были введены в круг материалов, послуживших основой для установления новой ступени в истории развития форм общественных отношений. М. М. Ковалевский изучал грузинскую семейную общину главным образом у пшавов¹⁰ во время поездки на Кавказ в 1887 г. В отношении сванов он ограничился лишь сообщением о том, что они жили большими нераздельными семьями¹¹. Это было установлено им в 1885 г. во время его пребывания в Сванетии совместно с И. И. Иванюковым¹². Но Ковалевский, устанавливая факт существования семейной общины и описывая ее, не обращал внимания на своеобразные черты семейной общины данного народа. К исследованию социального строя тех народов Кавказа, которые сохранили пережитки древнего общества, М. М. Ковалевский, как и большинство его современников, подходил лишь с точки зрения изучения общего исторического процесса и возможности восстановления истории утраченных форм общественного развития. Определяя, чем вызван его интерес к сванскому материалу, он писал: «Кого интересуют переживания родового строя, кто желал бы восстановить в мельчайших подробностях едва намеченную Тацитом картину древнегерманской жизни или восполнить этнографическими аналогиями скудные сведения византийских или арабских источников о быте наших предков славян,— на. —т в обычаях сванетов богатейший материал для своих построений»¹³.

Таким образом, к изучению пережитков древних социальных отношений у кавказских народов М. М. Ковалевский в основном подходил с точки зрения установления аналогий к имеющимся описаниям ранних форм общественных отношений, стараясь подтвердить новыми этнографиче-

⁷ Ф. Демелич, Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича. Перев. с франц. В. Гецевича, М., 1878.

⁸ Там же, стр. 17.

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 60.

¹⁰ М. М. Ковалевский, Пшавы. Этнографический очерк, «Юридический вестник», 1888, № 2; его же, Закон и обычай на Кавказе, т. II, 1890, стр. 73—74.

¹¹ М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 4.

¹² И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский, У подошвы Эльбруса, «Вестник Европы», 1886, № 1—2; В Сванетии, там же, № 8—9.

¹³ М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 3—4.

скими фактами из быта народов Кавказа выдвинутые ранее положения. Поэтому во многих случаях новый факт, не имеющий отражения в древних описаниях, оставался вне поля зрения исследователя.

Несмотря на указанные методологические особенности, а также неточности, допущенные при фиксации грузинского этнографического материала, М. М. Ковалевский своими теоретическими обобщениями материалов по семейной общине поднял изучение данного вопроса на принципиальную высоту, способствовал привлечению к этой теме внимания других исследователей.

Интерес, проявленный во второй половине XIX в. к русской сельской общине, нашел отражение и в грузинской общественной мысли, внимание которой, так же как и в России, было привлечено к изучению различных форм так называемого общинного землевладения. В периодических изданиях печатаются передовицы, посвященные этим вопросам, а также помещаются отдельные статьи на указанную тему, затрагивающие попутно и вопросы семейной общины.

В газете «Дроэба» в 1884 г. были помещены статьи З. Гулисашвили, посвященные описанию общинного землевладения в отдельных районах Кахетии и Картли¹⁴. Часть этих статей в кратком переводе была помещена и в газете «Кавказ», которая в примечании от редакции подчеркнула их актуальность: «Статьи эти представляют большой интерес для всякого, занимающегося вопросом об общинном землевладении у нас, почему и позволим себе познакомить с ними вкратце наших читателей»¹⁵.

В первой статье говорится о семейной общине у кизикцев, населявших один из районов Кахетии и не испытывавших крепостного права. Наличие семейной общины у кизикцев, по мнению автора, было результатом существования общинного землевладения. Семейная община, по определению автора, представляла собой основанную на трудовом начале артель в составе восьми-десяти братьев, каждый из которых ведал определенной отраслью хозяйства. Один брат занимался овцеводством, другой — разведением крупного рогатого скота, третий — свиноводством, четвертый — земледелием, пятый — домашними работами, в которые входило также виноградарство, и т. д. Семья имела своего «старшего человека», защищавшего ее интересы на сельских сходах и принимавшего участие в решении общественных дел. В такой семье насчитывалось до 60 членов, занятых работами в доме и на поле. Все большие семьи отличались состоятельностью, каждая из них платила в год триста рублей налога, покрывая тем самым большую часть общего налогового обложения, распределяемого сельским сходом подымно.

Вопрос о состоятельности семейной общины авторы конца XIX в. выдвигали на первый план. По имущественному положению крестьянское население разделялось на три категории: самых состоятельных («тав каци»), средней состоятельности («шуа каци») и наименее состоятельных («боло каци»). Семейные общины относились обычно к первой категории. По степени обложения налогами население также делилось на указанные три категории. Разделы общинных земель производились соответственно установленным по этому принципу категориям. Наименее состоятельные — «чарекис каци» — получали одну меру земли, «нахевари литриса» — две меры, а «литрис каци» — три меры земли¹⁶.

Незадолго до исследований З. Гулисашвили вопросам общинного зем-

¹⁴ Ша к р о, Общинное землевладение в Грузии, газ. «Дроэба», 1884, № 168, 263, 267, 269, 270. Под псевдонимом «Ша кро» выступал З. Гулисашвили. См. За х а р и й Гу л и с а ш в и л и, Рассказы и исследования, Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

¹⁵ «Кавказ», 1884, № 285.

¹⁶ См. М. В. М а ч а б е л и, Экономический быт государственных крестьян Тифлиского уезда, «Материалы для изучения экономич. быта гос. крестьян Закавказья», т. V, 1887, стр. 198.

левладения в Иорском ущелье были посвящены статьи З. Биланишвили, указывающие на существование там двух видов землепользования — подворного и общинного. Статьи З. Биланишвили были напечатаны сначала на грузинском языке в газете «Дрозба»¹⁷, а потом в русском переводе в газете «Кавказ»¹⁸. Обе газеты подчеркивали актуальность затронутого в них вопроса, потому что, как было отмечено в передовой статье газеты «Дрозба», «вопрос этот современными исследователями увязывается с практическими целями устройства общественного благополучия»¹⁹.

Оба названных автора видели общественную пользу семейной общины в ее материальных возможностях. Они старались показать практическую заинтересованность жителей села в сохранении семейных общин как основных плательщиков налоговых обложений. Такое подчеркивание значения семейной общины характерно и для других авторов конца XIX в.

В этом отношении особого внимания заслуживает статья Иосифа Цискарашвили, писавшего под псевдонимом И. Кахели. Он дает подробное описание семейной общины Гогишвили из с. Земо-Мачхаани (Сигнахского района)²⁰. Семья состояла из 56 членов, среди них 25 было вполне трудоспособных. Двор семейной общины Гогишвили, в котором стояло 12 каменных домов, по своему общему виду был более похож на квартал, чем на владения одной семьи. Семья эта имела две полные упряжки («гутнеули») — т. е. 16 пар волов, более 5 тыс. баранов, до 600 коров, 200 лошадей, 300 свиней и т. д. «Каковы результаты такого объединенного труда, — пишет И. Цискарашвили, — на это указывает само количество одного только зернового урожая, равняющегося 60 арбам пшеницы, 50 арбам ячменя, 80 арбам ржи и 30 арбам кукурузы, собираемой с полей семьи Гогишвили. ...А кроме того, они имели большое количество шерсти, сыра, масла, о чем свидетельствует названное поголовье скота...». Автор отмечает гостеприимство этой семьи и сообщает, что взаимоотношения ее членов были основаны на общем согласии и взаимном уважении.

И. Цискарашвили стремился показать, что благосостояние описываемой им семьи основано именно на ее нераздельности и что раздел семейной общины представляет собой отрицательное явление с точки зрения интересов как отдельной семьи, так и всего села.

Как и большинство его современников, касавшихся настоящего вопроса, И. Цискарашвили считал особым преимуществом наличие в селе большого числа неразделенных семейных общин, облегчающих выполнение налоговых обязательств. Считая семейные разделы основным бичом крестьянства, И. Цискарашвили положительно относился к мероприятиям, способствующим их сохранению. Он ссылаясь, например, на передовую статью газеты «Иверия», где рекомендовалось вмешательство сельских сходов в вопросы раздела семейных общин²¹.

Таким образом, статья И. Цискарашвили была направлена на то, чтобы доказать экономическое преимущество семейной общины перед малыми семьями.

Особое место в изучении древних форм общественных отношений занимают работы видного грузинского этнографа второй половины XIX в.

¹⁷ З. Биланишвили, Наше землевладение, Корреспонденция из Иорского ущелья (на груз. яз.), «Дрозба», 1884, № 51 и 52.

¹⁸ З. Биланишвили, Землевладение в Иорском ущелье, «Кавказ», 1884, № 62.

¹⁹ «Дрозба», 1884, № 162.

²⁰ И. Кахели, Корреспонденция из Кахетии, «Иверия», 1887, № 21 (на груз. яз.).

²¹ Такая же рекомендация содержится в исследовании Н. К. Никифорова «Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской губ.». Касаясь вопроса регулирования разделов семейных общин посредством официального вмешательства сельских сходов, Н. К. Никифоров отмечает необходимость этого мероприятия («Материалы для изучения экономического быта гос. крестьян Закавказья», т. V, ч. II, стр. 24—25).

Н. Хизанашвили²², содержащие богатый фактический материал о горцах Восточной Грузии. В статье «Древняя грузинская семья» он приводит отдельные сведения древних писателей о народах Кавказа и Передней Азии, свидетельствующие о существовании у них в прошлом древних форм семьи. Автор не останавливается специально на описании грузинской семейной общины, но указывает на ее существование в связи с разбором отдельных параграфов грузинского гражданского права XIV и XVIII вв. Он отмечает, что права старшего брата при разделе семейного имущества, о которых говорится в законах царя Вахтанга, а также частично в законе Агбуги, отражали характерную сторону уклада древней грузинской семьи, в которой строго соблюдалось деление «на старших и младших». Необходимость такого деления Н. Хизанашвили обосновывает главным образом тем, что древняя грузинская семья была многочисленна и вследствие этого требовала соблюдения в ней иерархических отношений, подчинения одного члена другому²³.

Картлийской семейной общине посвящена статья Н. Л. Абазадзе, который производил исследования в Горийском уезде²⁴.

Автор не дает полного описания жизни семейной общины, а касается отдельных сторон ее. Останавливаясь на родственном составе семейной общины, он отмечает существовавший здесь обычай усыновления. Описывая общий вид, а также планировку и внутреннее распределение жилого помещения семейной общины, автор подробно рассматривает «дарбази», в котором располагалась вся семейная община. Он сообщает, что наличие общего помещения для большого числа членов семьи его информаторы объяснили тем, что «этим устраняется возможность утайки общего добра, что жизнь на виду у всех предупреждает раздоры между отдельными членами семьи, сестрами и братьями»²⁵.

Н. Л. Абазадзе правильно отметил источность, допущенную М. М. Ковалевским при определении порядка назначения в пшавской семейной общине старшей женщины. М. М. Ковалевский писал, что якобы «главство представляется ежегодно одной из невесток»²⁶. В действительности же, как поясняет Н. Л. Абазадзе, не хозяйка назначается на год, а только соблюдается годичная очередность в выполнении хозяйственных обязанностей невестками. Ежегодно перераспределение этих обязанностей производится хозяйкой «днасахлиси»²⁷. Собранные впоследствии нами данные о пшавской семейной общине полностью подтверждают сообщения Н. Л. Абазадзе.

Изучая картлийские поселения, Н. Л. Абазадзе обратил внимание и на такие вопросы, которые генетически связаны с семейной общиной, но вместе с тем представляют самостоятельный интерес для установления типа расселения. Н. Л. Абазадзе отметил, что «деревни, в которых живут только однофамильцы..., как показывает и название их кари (двор) или убани, образовались из распавшихся больших грузинских семей»²⁸.

Объясняя как возникновение картлийской семейной общины, так и ее длительное существование отчасти религиозными представлениями, но в основном все же хозяйственными особенностями края, Н. Л. Абазадзе указывает на существовавшую там систему пахоты большим плугом, тре-

²² Н. Хизанашвили (Урбнели), Статьи по этнографии, «Материалы по этнографии Грузии», Тбилиси, 1940 (на груз. яз.). Под редакцией и с предисловием Г. С. Читаа.

²³ Н. Хизанашвили, Древняя грузинская семья, «Дрозба», 1885, № 2; см. его же «Статьи по этнографии», стр. 155—170.

²⁴ Н. Л. Абазадзе, Семейная община у грузин, «Этнографическое обозрение» 1889, кн. III, стр. 13.

²⁵ Там же, стр. 15.

²⁶ См. по этому поводу М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 113 и 115.

²⁷ Н. Л. Абазадзе, Указ. раб., стр. 17—18.

²⁸ Там же, стр. 18.

бывавшую 8 пар буйволов и быков и по крайней мере 4 рабочих, что и определяло значение семейной общины у картлийцев. Он пишет: «Возникновение семейных общин у грузин, как и происхождение всех вообще однохарактерных с данным видом сожителства агнатов, можно объяснить как, с одной стороны, религиозными представлениями грузин о необходимости поддержания религиозного культа (почитания предков), так, с другой, теми экономическими условиями, среди которых приходится жить грузину. Занимая удобные места для земледелия и виноделия, жители Грузии издавна занимаются этими видами промышленности. Глубокий и жирный чернозем страны с его своеобразной оранкою требует, однако же, много рабочих рук и скота. Чтобы обработать землю, земледelec составляет гутани (плуг с многоголовой упряжью) из 8 пар буйволов и быков и по крайней мере 4 рабочих, и только с такими силами он может вспахать землю. А сколько труда и усилий при дальнейшем ее возделывании! Не мало рабочих рук и времени требует и возделывание виноградника». «Благодаря такого рода занятиям,— заключает автор,— семейная община грузин нашла твердую почву для прочного и незыблемого существования»²⁹. Он подробно излагает экономические преимущества картлийской семейной общины перед малой семьей: «...большая грузинская семья пользуется большим достатком, чем уже обособившиеся малые семьи. Первая часто имеет свои собственные поземельные владения, притом в достаточном количестве, несколько пар буйволов и быков, коров и лошадей, стадо баранов и свиней, тогда как малая семья обыкновенно живет на помещичьих, казенных или церковных землях, которые обрабатываются соединенными силами нескольких простых семей. Гутани (плуг) не может сложить одна простая семья на свои средства, поэтому для составления его приходится прибегать к артели, в которой участвуют несколько простых семей: кто личным трудом, выставляя работника, кто предоставленным скота и орудий, необходимых для «гутани» и т. п., за что «гутани» обязан пахать земли каждой семьи пропорционально вложенному ею труду или ценности выставленного ею для «гутани» орудия. Часто один «гутани» складывается средствами и усилиями целой деревни. Большой семье редко когда приходится прибегать к такому артельному началу, так как она обыкновенно имеет свой собственный плуг и иногда даже не один, а два»³⁰.

Н. Л. Абазадзе использует все доводы, чтобы показать, что семейная община продолжает сохра... прогрессивное значение. «Решительное благосостояние больших грузинских семей сравнительно с малыми, замечаемое в Карталинии,— пишет он,— заставляет заключить, что такая организация хозяйства, где только она еще возможна, и теперь благодетельна для крестьян, не говоря уже о прошедшем, когда семьи с таким строем, по уверению стариков, положительно благоденствовали»³¹.

Для доказательства того, что семейная община была обусловлена хозяйственными особенностями страны, Н. Л. Абазадзе приводит уже не раз использованную и другими авторами историческую справку о том, что грузинское законодательство препятствовало делению семьи. «Статья 98-я законов царя Вахтанга,— пишет он,— прямо говорит, что царь или господин всеми мерами должен всячески стараться посредством увещания старших, угроз младшим или наказания посевающих между ними раздор умиротворить их и отклонить от раздела»³². И далее: «Крестьяне и теперь сознают выгоду такой семьи: по их мнению, чем больше в доме, тем он считается счастливее, так как в нем можно найти обеспеченную и безмятежную жизнь. Отсюда естественно, что грузины

²⁹ Там же, стр. 19.

³⁰ Там же, стр. 28.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 19.

(т. е. картлийцы.— Р. Х.) по тем же признакам, как и пшавы, смотрят на раздслы недружелюбно: по их понятиям, семья от них необходимо должна прийти в упадок»³³.

Идеализируя внутренний строй семейной общины, Н. Л. Абазадзе считает ее единственно целесообразной формой семьи для картлийцев. Он отмечает, что с XIX в. наступил новый период в ее развитии: «...семейную общину грузин мы застаем теперь в том периоде ее существования, когда с чисто патриархальными, родовыми началами столкнулось экономическое, трудовое начало»³⁴. Правильно подчеркивая значение экономического принципа в объединении членов грузинской семейной общины XIX в., автор в то же время допускает неточности в освещении вопроса о трудовом начале. Он пишет: «Подтверждением той мысли, что в современной общине грузин ярко и рельефно выступает трудовое начало, может отчасти служить, во-первых, то, что при дележе каждому члену предоставляется имущество пропорционально интенсивности его участия в общей семейной наживе, во-вторых, то обстоятельство, что нерадение и равнодушие одного члена к общему делу является поводом распада большой семьи»³⁵. В действительности все наследственное имущество делилось только по братьям, и в этом случае никакие другие права, кроме родовых, во внимание не принимались. Благоприобретенное же имущество действительно делилось по числу членов, участвующих в общей трудовой жизни семьи. Таким образом, утверждение Н. Л. Абазадзе о том, что права членов семейной общины были основаны только на трудовом принципе, создает неверное представление об ее характере.

Нельзя также согласиться и с некоторыми другими утверждениями автора. Он, например, пишет, что «в грузинской семейной общине главою может быть выбран и парень, помимо отца семейства, в «упроси кали» дома может быть выбрана девушка, помимо старухи матери»³⁶. Несмотря на то, что возраст действительно не являлся единственным показателем при разрешении вопроса о главенстве в семье, однако, по существующему патриархальному принципу, решающее значение имели деления по поколениям, поэтому «парень» и «девушка» не могли быть избраны руководителями семьи.

Работа Н. Л. Абазадзе, несмотря на явную идеализацию внутреннего строя семейной общины, является ценным исследованием по данному вопросу.

Большой фактический материал по этнографии сванов содержится в трудах Бесариона Нижарадзе, выступавшего под псевдонимами «Тависупали Свани», «Бесариона Свани» и «Свани». Сван по происхождению, он был хорошо знаком с бытом и культурой своего народа.

Одно из центральных мест в его работах занимают описания-сванского обычного права³⁷. Изучением сванской семейной общины Б. Нижарадзе специально не занимался. Он касался этого вопроса только с точки зрения имущественно-правовых взаимоотношений членов семьи и особо останавливался при этом на правах и обязанностях женщины. Специально выделены автором вопросы брака: разводы, двоеженство, брак вдовы с деверем. Ни одно из этих явлений автор не считает пережитком древних обычаев, а находит своеобразное объяснение им в современном быту. Например, брак деверя с невесткой он объясняет меньшим в то время в Сванетии числом женщин по сравнению с мужчинами, а двоеженство — бездетностью женщин.

³³ Н. Л. Абазадзе, Указ. раб., стр. 19—20.

³⁴ Там же, стр. 27.

³⁵ Там же.

³⁶ Н. Л. Абазадзе, Указ. раб., стр. 15. «Упроси кали» букв.— «старшая женщина».— Р. Х.

³⁷ Тависупали Свани, Обычное право в Сванетии, «Иверия», 1886, № 29, 55, 64 (на груз. яз.).

Отмечая многочисленность сванской семьи, Б. Нижарадзе не вдаётся в изыскание причин сохранения семейной общины во второй половине XIX в. Он ограничивается лишь указанием на то, что сваны не любят разделов: «при разделе семьи очаг заливается водой, т. е. гаснет семья,— так говорят сваны»,— пишет автор.

Несмотря на то, что отдельные обобщения и объяснения бытовых явлений в работах Б. Нижарадзе не всегда приемлемы, материалы, приводимые этим автором, для которого быт, культура и язык сванов были родными, представляют ценность первоисточника.

Все приведенные выше авторы, идеализируя внутренний строй семейной общины, стремились доказать необходимость ее сохранения в интересах благоустройства крестьянской жизни.

В грузинской прессе XIX в. были отражены и диаметрально противоположные взгляды. Носители их увязывали образование малых, индивидуальных семей с вопросом «свободы личности» и решительно высказывались против всяких искусственных ограничений разделов семейных общин.

Так, например, грузинская газета «Шрома»³⁸ в передовой статье 1883 г. отмечала, что с начала 1880-х годов крестьянская семейная жизнь значительно изменилась, так как начались разделы между братьями, а также между отцами и сыновьями. Разделы эти в основном коснулись равнинной части Грузии. Ссылаясь на законы царя Вахтанга, автор статьи указывает, что в старое время семейные разделы не одобрялись. В феодальной Грузии семейная община могла получать право на раздел только за определенное вознаграждение. Кроме того, каждая из выделившихся семей после раздела должна была выполнять все отработки, которые до того возлагались на всю общину. С отменой крепостного права разделы семейных общин участились, так как все указанные виды оброка были упразднены.

Автор статьи старается доказать, что основным стимулом, побуждающим к семейным разделам, является стремление к «свободе личности». В статье высказывается благосклонное отношение к семейным разделам и отрицается необходимость искусственных препятствий к ним.

В основном та же мысль несколько позже была развита А. Аргутинским в его статье, посвященной семейным разделам у имеретин³⁹. Пользуясь актами посемейных разделов, автор останавливается главным образом на обычаях выделения посредников при разделе семьи, на разделе имущества между братьями и на вопросе о приданом девушке. Семейную общину А. Аргутинский называет сильной семьей, подчеркивая тем самым ее экономическое преимущество перед малой семьей.

Автор специально останавливается на развитии в крае новых отраслей промышленности, «открывших возможность находить для местного населения пропитание за пределами семейного хозяйства». Однако главной причиной разложения семейной общины у имеретин он признает стремление к осуществлению идеи «свободы личности». «Новые условия,— пишет А. Аргутинский,— с одной стороны, пошатнули прежнее натуральное хозяйство больших семей путем конкуренции более производительного машинного труда с малопродуктивным ручным, с другой,— подняли значение личности, уже не желающей мириться с прежним бесправием, и дали ей возможность найти приложение своему труду и вне дома». Автор не обратил соответствующего внимания на непосредственное значение для имеретинской семейной общины развития новых отраслей промышленности. Во второй половине XIX в. отдельные члены имеретинской семейной общины постоянно работали в промышленности, но свои зара-

³⁸ «Шрома», 1883, № 7.

³⁹ А. Аргутинский, Семейные разделы у имеретин, «Новое обозрение», Тифлис, 1893, № 3174, 3175.

ботки все еще продолжали употреблять на общие нужды семьи. Углубление этого противоречия, т. е. развитие индивидуального труда при сохранении коллективной формы потребления, неизбежно должно было привести к распаду семейной общины.

Не связывая разложения семейной общины непосредственно с формой труда, А. Аргутинский дал этому факту чисто идеалистическое объяснение. Он рассматривал вовлечение отдельных членов семьи в промышленность и образование малых — индивидуальных семей главным образом как средство для осуществления идеи «свободы личности».

В литературе второй половины XIX в., посвященной вопросам социально-экономических отношений в Грузии, особо выделяются исследования М. В. Мачабели, в которых дается также и частичная характеристика грузинской семейной общины. Основное место здесь уделено пшавской семейной общине, сведения о которой собраны автором в Арагвской Пшавии и среди пшавов Иорского ущелья.

М. В. Мачабели отмечает демократичность управления в пшавской семейной общине и отсутствие в ней деспотической власти, но ошибочно сообщает о ежегодном избрании «старшей женщины». Это утверждение М. В. Мачабели вызывает недоумение, так как оно не соответствует его описаниям, которые мы изучали при просмотре оставленного им архивного материала⁴⁰. Касаясь имущественно-правовых отношений членов семьи, М. В. Мачабели обращает внимание на существование личного капитала женщины — «сатавио»⁴¹.

Исследуя вопросы экономического быта грузинского населения Тифлисской губернии, М. В. Мачабели более подробно описывает с. Диди Лило, принадлежавшее некогда самим Мачабели. Материал, собранный автором в Диди Лило, в его печатной работе использован лишь частично. Он подробно разбирает вопрос о земельных пределах и отмечает основную причину раздоров, возникавших на этой почве между бедными и богатыми димами при распределении общественных земель. «Обыкновенно богатые крестьяне, имеющие возможность во всякое время явиться со своими плугами, запахивают лучшие участки из этих общественных земель, пока бедному придет очередь воспользоваться товарищеским плугом, все лучшие земли оказываются уже занятыми, и ему ничего не остается делать, как начать пахать вдали от селения и на худшем месте» и т. д.⁴². Судя по более подробным записям, содержащимся в архиве М. В. Мачабели, споры в таких случаях происходили между представителями семейных общин и индивидуальных семей.

Сохранившиеся в архиве М. В. Мачабели конкретные описания взаимоотношений, установившихся в XIX в. между семейными общинами и индивидуальными семьями в с. Диди Лило, представляют большой интерес для изучения грузинской семьи в позднефеодальный период.

Все семьи в с. Диди Лило, по описанию М. В. Мачабели, делились на «оджахисшвилоба» и «комлоба». Первые представляли собой многочисленные зажиточные семейства, при этом настолько древние, что предания о первоначальном их образовании были уже утрачены, вторые же были малочисленные и по своим средствам значительно уступали первым. М. В. Мачабели подробно описывает семейную общину Тинашвили, в которой было 60 членов. Несмотря на то, что вся земля в с. Диди Лило находилась в общинном владении, семья Тинашвили располагала большим количеством пахотной земли, доходившим в общей сложности до 20 «дгиури» (дней пахания). Она пахала в два, а иногда в три плуга при

⁴⁰ Архив М. В. Мачабели (на груз. яз.) хранится в рукописных фондах Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

⁴¹ М. В. Мачабели, *Экономич. быт гос. крестьян Тионетского уезда Тифлисск. губернии, «Материалы для изучения экономич. быта гос. крестьян Закавказья»*, т. V, стр. 398—402.

⁴² Там же, стр. 196.

восьмипарной упряжке. Право на находившиеся в семейном пользовании общинные земли со временем стало наследственным. Но на сельских сходах продолжали обсуждаться вопросы о земельных переделах. Требования о переделах земли обычно выдвигали представители малых семей. Большие семьи резко возражали против этого и, имея на своей стороне большую силу, препятствовали проведению их в жизнь.

М. В. Мачабели дал описания самих сходов. На этих сходах были представлены, по словам автора, «два враждебных типа семейств», образовавшихся на почве их экономического неравенства. «При обсуждении общих вопросов,— пишет М. В. Мачабели,— оджахисшвилеби и бедняцкие комлоба всегда сталкиваются друг с другом.

При выделении сходом общих пахотных или пастбищных земель, а также при обсуждении какого-либо другого вопроса споры и ссоры между ними были неизбежны. Бедняцкие комлоба выставляют своих ораторов, которые борются за защиту их интересов и сталкиваются с оджахисшвилеби. Многие из этих ораторов настолько красноречивы и так блестяще доказывают представителям противоположного лагеря их нечестность и указывают на учиненные ими над бедняками грабежи, что часто переводят на свою сторону большинство из присутствующих на сходах представителей отдельных семей. Несмотря на это, старания ораторов, добывающихся переделов пахотной земли, оказываются тщетными. ...Как видите, в деревне существуют два различных типа семейств, которые являются при этом врагами друг друга».

М. В. Мачабели доказывает, что такое положение наблюдается не только в Диди Лило, но и во всех близлежащих селениях: Патара Лило, Марткопи, Порио, Ахалсопели и других. Везде большая часть общинных земель находится в наследственном пользовании семейных общин, и всякие начинания бедняцких семей, связанные с установлением земельных переделов, кончаются неудачей, встречая сильное противодействие со стороны экономически мощных семейных общин.

С разделом семейных общин менялось материальное благосостояние семьи. М. В. Мачабели пишет, что село радуется при разделах семейных общин, так как они после разделов приравниваются к малым семьям.

Материальное благосостояние образованных посредством раздела семейной общины отдельных малых семей резко снижалось. Это принималось во внимание и сельским сходом при разложении посемейных взносов. Малая семья не в состоянии уже была поддерживать прежнюю рентабельность выделенной ей части имущества, так как с разделом семейной общины она теряла возможность общинного производства, поэтому доходы ее ежегодно уменьшались.

Оджახисшвилоба была в хозяйственном отношении более независимым объединением. Она обладала такими средствами производства, необходимыми для земледельческого хозяйства, как плуг с восьмипарной упряжкой. Комлоба же могла вести свое хозяйство только лишь посредством супруги — модгамоба, т. е. путем объединения рабочей силы и орудий производства нескольких малых семей.

И. В. Сталин в статье «Аграрный вопрос», напечатанной впервые в газете «Элва» в 1906 г., характеризуя существовавшее между крестьянами того времени имущественное неравенство, писал: «Можно ли думать, что хозяин восьми пар волов в той же мере использует землю, как хозяин, не имеющий ни одного вола? А социалисты-революционеры думают, что «уравнительным землепользованием» уничтожится наёмный труд и настанет конец развитию капитала, что, конечно, абсурдно»⁴³.

Особенно ценно, что М. В. Мачабели в своих описаниях обращал внимание не только на отдельные стороны внутренней жизни самой семей-

⁴³ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 220.

ной общины, подробно характеризуя ее состав, имущество, управление, разделение труда между членами семьи, но касался ее взаимоотношений с другими семьями, освещая некоторые стороны общественно-экономической жизни всего села.

По внутреннему укладу — общинная собственность, демократическое управление, четкая организация труда — автор рассматривал семейную общину как положительное явление. Но в то же время он отнюдь не был склонен идеализировать складывавшиеся общественно-экономические отношения в селе. В его описаниях ярко отражен процесс углубления имущественного неравенства среди крестьян, обусловленный развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Его материалы, показывающие на конкретном примере имущественное превосходство грузинской семейной общины XIX в. и ее значение в процессе дифференциации крестьянства, являются ценным источником для изучения данного вопроса⁴⁴.

В основном литература XIX в. по вопросу о грузинской семейной общине отражала, как было видно из приведенного выше обзора, два диаметрально противоположных направления. Одна часть авторов, придерживаясь народнических взглядов, идеализировала семейную общину как общественно-хозяйственную организацию, якобы претворившую в жизнь идею общей собственности, коллективную форму труда и потребления при общедемократическом управлении. Другие авторы доказывали преимущества индивидуальной семьи и, рассматривая этот вопрос с позиций буржуазного либерализма, объясняли участившиеся разлады семейных общин стремлением к «свободе личности». Тем не менее фактические сведения, приведенные в рассмотренных работах, позволяют выявить изменение роли семейной общины и ее значения в земледельческих районах Грузии в соответствии с общим ходом исторического процесса.

К началу XIX в. в социально-экономической жизни крестьянства семейная община, как многолюдная хозяйственно-родственная организация, все еще сохраняла определенное значение, хотя и в различной степени. Но в условиях феодального строя, когда крестьянство в правовом и экономическом отношениях находилось во власти феодала, семейная община могла располагать лишь некоторыми средствами производства, так как основное из них — земля была собственностью помещиков.

После отмены крепостного права, с переходом части земель во владение многосемейных крестьянских хозяйств, общественно-экономическая сущность семейной общины приобретает специфический характер. В тех районах Грузии, где капиталистические производственные отношения в деревне развивались более интенсивно, семейные общины, сосредоточившие в своих руках основные средства производства, выступали как представители зажиточной части населения и постепенно захватывали в свои руки управление всей жизнью села, что углубляло процесс имущественной и социальной дифференциации крестьянства и ускоряло образование двух противоположных лагерей: лагеря кулаков и лагеря бедноты. В этот период экономические условия Грузии резко меняются. С развитием промышленности увеличивается отходничество, которое затрагивает и семейные общины. Но такие семейные общины, часть членов которых стала отходниками, распадаются не сразу. Некоторое время в них индивидуальный труд уживается с коллективным потреблением. Заработки отходников поступают в общее распоряжение семьи, наряду с доходами, получаемыми от занятий сельским хозяйством.

На данном этапе своего развития семейная община носит дуалистический характер и содержит те противоречия, которые подрывают ее основы и приводят к ее полному уничтожению.

⁴⁴ Более подробно вопрос рассматривается в I разделе подготовляемой автором монографии «Грузинская семейная община», кратким изложением которого является настоящая статья.